ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й № 74 (4199) | Четверг, 23 июня 1960 г. | ЦЕНА 40 КОП.

ОТ ИМЕНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ДЕЛЕГАЦИЯ Коммунистической партии Советского Союза, направлявшаяся на III съезд Румынской рабочей партии, еще не успела подойти к самолету на Внуковском аэродроме, а печать всего мира уже начала строить догадки — о чем же будет говорить на съезде Никита Сергеевич Хрущев? Одни газеты ждали этого выступления с надеждой, другие — со страхом, с нескрываемыми опасениями.

Пытаясь заранее приуменьшить влияние слов Н. С. Хрущева, американская газета «Нью-Йорк таймс» писала в редакционной статье за день до его речи: «Печать так часто ставит Хрущева в центр внимания, что иногда возникает опасение — не забудет ли она, что он всего лишь один человек из 200-миллионного населения страны».

Ни печать, ни люди — а тем более советские люди, — конечно, никогда не забудут, что Хрущев — один из двухсот миллионов. Но ведь в этом-то как раз и корень всего — он говорит и думает то, что говорят и думают двести миллионов! Мысли и намерения Никиты Сергеевича — это мысли и намерения и Ивана Ивановича, на которого вы, господа из «Нью-Йорк таймс», ссылаетесь, и Николая Александровича, и Остапа Григорьевича, и Ованеса Ованесовича. И когда в своей речи посланец нашей партии, нашего народа, говоря о неизбежном крахе капитализма, подчеркивает: «Мы убеждены, что это произойдет неизбежно, независимо от того, согласны ли с этим господа империалисты и их лакеи, так как исторический процесс перехода человечества к социализму неотвратим», — вы без тени сомнения можете вместо «мы» поставить «200 миллионов». А хотите — миллиард! Как вам больше нравится! В любом случае — **победа будет за коммунизмом!**

В последнее время западная пропаганда оповестила мир о своем сенсационном открытии: оказывается, советские люди хотят жить лучше. У нас в таких случаях говорят: вот открыли Америку! Да ведь это всегда была главная цель Коммунистической партии, Советского правительства. Задолго до того, как американцы открыли эту «Америку». Коммунистическая партия Советского Союза мобилизовала все наши силы, чтобы в ближайшее время резко повысить благосостояние советских людей. Мы уже можем подвести некоторые итоги — о них тоже шла речь в Бухаресте. Только за первый год семилетки в стране построено более трех миллионов квартир и отдельных домов. А за семилетие всего будет построено столько квартир, что вместе они составят **сто восемьдесят** городов, каждый из которых равен, скажем, Омаху или Лонг-Бичу в США, а в СССР — Томску или Кирову. Мы можем теперь **дополнительно** выделить 25—30 миллиардов рублей сверх плана на увеличение производства товаров потребления. Но советские люди понимают, что сесть спокойно за полный стол можно лишь тогда, когда во дворе всего полно, да к тому же ограда от непрошеных гостей надежная.

И вот это-то не нравится больше всего на свете господам империалистам. Так хочется перелезть через ограду, заглянуть в чужой дом хоть краешком глаза! Причем, хоть дом наш открыт, двери перед гостем мы всегда распахнуть рады, — нет, их тянет через черный ход или через окно, да к тому же, когда дома никого нет или все спят!

Дела у непрошеных гостей — лазутчиков, как известно, кончаются плачевно. Об этом говорит хотя бы пример с летчиком-шпионом Пауэрсом. Хотя Пауэрс — очень хорошо сказал о нем Н. С. Хрущев — «только маленькая ядовитая козявка, находившаяся на службе у военщины Пентагона», — его казус служит наглядным уроком для любителей совать нос в чужие дела без спросу; он, несомненно, будет позорной страницей в истории Америки.

Можно ли после подобного скандала сидеть за одним столом с такими людьми? Ни в коем случае, — пока они не извинятся, не скажут прямо, что они **никогда** больше не повторят таких поступков. Но если нам, советским людям, говорят, что непрерывное заглядывание в наш дом будет продолжаться, — увольте, мы не согласны! Не согласны мы и с таким предложением: чтобы не подглядывать тайно, мы приставим своего человека, который будет контролировать каждый ваш шаг.

Помилуйте, господа империалисты, вы нас с кем-то путаете!

Вот почему — и только поэтому — мы, двести миллионов человек, не дали нашего согласия участвовать в совещании на высшем уровне. Кто же, спрашивается, сорвал его?

В Бухаресте Никита Сергеевич упомянул, что «не всем людям, даже тем, которые стоят за сосуществование и борются за обеспечение мира, до конца понятна позиция, занятая Советским правительством в Париже». Однако хотелось бы добавить к этому: наша позиция ясна подавляющему большинству людей. В этом без труда убедился Эйзенхауэр, убедились политические воротилы Америки. Они-то полагали, что народы Азии и Дальнего Востока «разочаруются» в политике Советского правительства после парижских событий и бросятся в объятия США. С этой мыслью и направился в поездку по странам Азии президент США. Что было дальше — общеизвестно. Все более или менее беспристрастные наблюдатели подчеркивали, что июньский провал американской политики — прямое следствие полета «У-2» и событий, приведших к срыву Парижского совещания. Нет, народы мира не разочаровались в советской политике!

Советский Союз не только провозглашает, но на деле проводит принцип сосуществования, принцип укрепления мира, ослабления международной напряженности и ликвидации «холодной войны». При этом мы, двести миллионов, исходим из того, что война в нынешних условиях не является неизбежной. По той простой причине, что нас уже не двести миллионов, а во много раз больше. И хотя не исключена возможность того, что империалисты попытаются развязать войну, теперь, подчеркивает Н. С. Хрущев, «даже глупые, выжившие из ума представители империалистических кругов подумают, да и не раз подумают о нашей мощи, прежде чем пойти на военную авантюру».

Тот факт, что Соединенные Штаты торпедировали Парижское совещание, казалось бы, дает повод усомниться в возможности избежать войн, пока существует капитализм в его высшей стадии — империализме. Анализируя сущность империализма, В. И. Ленин подчеркивал, что он неотделим от войн. Но ведь это было несколько десятилетий тому назад! Тогда еще не было Советского Союза, не было других социалистических государств. Большая часть земного шара представляла собой тыл империализма, в то время как теперь она явно склоняется в пользу социализма. В таких условиях повторять по буквам то или иное высказывание основоположников марксизма-ленинизма — без собственного мышления, без глубокого изучения жизни и анализа современной обстановки — значит быть ребенком в жизни.

Отрицать возможность сосуществования двух социальных систем — значит объективно играть на руку сторонникам «холодной войны», для которых даже слово «сосуществование» — нож в сердце. Одни из них, вроде Диллона, цинично заявляют, будто не понимают, что же это за штука — сосуществование. Другие тщатся доказать, будто сосуществование — та же «холодная война», только чуть-чуть измененная. Но зато народы во всем мире очень хорошо знают, чем мир отличается от войны.

Вот почему мы отнюдь не намерены поддаваться провокациям и отказываться от нашей генеральной линии — от борьбы за мирное сосуществование, против угрозы войны. Наши идеи победят в мирном соревновании. **Войну можно и нужно предотвратить!**

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

СТЕПАНАКЕРТ В городе Степанакерте, центре Нагорно-Карабахской автономной области, состоялся выездной пленум правления Союза писателей Азербайджанской ССР.

Пленум открыл первый секретарь правления Союза писателей Мехти Гусейн. С докладом «Тема дружбы народов в азербайджанской литературе» выступил народный писатель республики Сулейман Рагимов. Поэт Самвел Григорян посвятил свое выступление вопросам развития армянской литературы в Азербайджане. На пленуме в Союз писателей принята группа молодых литераторов Нагорного Карабаха.

В Степанакерте проведен большой вечер дружбы, на котором выступили со своими произведениями армянские и азербайджанские писатели.

СТАЛИНАБАД Вечер дружбы братских литератур состоялся на днях в Сталинабадском центральном парке культуры и отдыха.

— Немногим из моих земляков приходится бывать на солнечной земле Таджикистана, — сказал на этом вечере литовский поэт Эдуардас Межелайтис, — и мы от всей души радуемся личным встречам с таджикскими писателями, произведения которых все больше переводятся на литовский язык.

Э. Межелайтис прочитал на родном языке свои стихи о дружбе народов.

Тепло встретили участники вечера выступление Константина Симонова. Он прочитал свое стихотворение «Речь моего друга Самеда Вургуна на обеде в Лондоне».

На вечере выступили также М. Миршакар, Г. Мирзоев, А. Дехоти, критик В. Огнев (Москва) и другие.

Интересный вечер закончился выступлением лауреата Ленинской премии Мирзо Турсун-заде.

РЕПОРТАЖ

РАЗДАН

ЭТОМУ городу явно повезло: здоровый горный воздух (высота здесь 1 780 метров над уровнем моря); под боком дачное место Цахкадзор — долина цветов; в 20 минутах езды — голубой Севан. Да, впрочем, теперь и в черте города есть свое озеро. Оно, конечно, поменьше Севана, но все-таки озеро. И набережная уже отстроена, и деревья посажены. Скоро густые прибрежные парки зашумят у нового озера, рожденного Атарбекянской ГЭС.

Но главное преимущество города — его молодость. От роду ему год.

Столетия жила Ахта (так назывался Раздан) сельской жизнью. Сухие земли, скудные отары овец и камни, камни...

Советские сорок лет преобразили Ахту, коренным образом изменили судьбу ее людей. Но вот камни, сухие бесформенные камни остались те же. Те же? Нет. Оказалось, что камни, отнимавшие доселе плодородие у земли, могут принести богатство, превратить старую Ахту в новый промышленный центр Армении.

Серая с черными блестками шероховатая порода — нефелиновый сиенит. В огромных количествах залегает он в горах Раздана. Ученый-химик М. Манвелян разработал способ получения из него глинозема — сырья для производства алюминия. И не только глинозема, а еще 8—10 ценных химических продуктов, в том числе нового вещества ереванита. В одной из лабораторий Научно-исследовательского института химии в Ереване я видел чудесное стеклянное волокно различных оттенков. Дешевое и высококачественное. Здесь же мне показали хрусталь, первый армянский хрусталь из того же ереванита.

Поташ, цемент, метасиликат натрия, метасиликат кальция, белая сажа — все это из серого шероховатого камня, что веками бесцельно залегал в недрах Раздана.

Полгода назад бывшие строители Атарбекянской ГЭС приступили к строительству крупного горнохимического комбината в Раздане.

Улицы Раздана... Будем точны: многое здесь еще от села. Сладковатый кизячий дым поднимается в вечернее небо. Но уже пришел сюда природный газ из братского Азербайджана.

Серые, угрюмые строения. Но уже смело занимают свое место большие из розового туфа дома. И строятся, строятся...

Идет вода из родника-памятника, украшенного каменным орнаментом. И девушки одна за другой подставляют к быстрой студеной струе глиняные кувшины. Но уже бежит вода и по трубам городского водопровода.

Все еще сельский пейзаж. Но на каждом шагу признаки города: Научно-исследовательский институт профессиональных заболеваний и охраны труда; красивое здание Дома культуры; музыкальная школа-семилетка и Дом художника. Ереванские художники (не подумать ли и писателям?) создали здесь свой дом, чтобы запечатлеть в полотнах рождение нового города.

Я зашел к председателю районного исполнительного комитета Агвану Мануковичу Налбандяну, чтобы поподробнее узнать о новом городе.

— Не пригласить ли нам и Карапета Хачатуровича Маргаряна — первого председателя первого исполнительного комитета нашего годовалого города, — пошутил А. Налбандян.

На столе — генеральный план города. Но нужна ли карта, когда председатель РИКа и председатель горсовета с таким увлечением рассказывают о будущем Раздана.

— К концу семилетия в нашем городе будет не менее сорока тысяч жителей (заметим: сейчас девять тысяч). Два городских района соединятся тоннелем, пробитым в горе. Будет у нас свой театр, свои артисты и музыканты. И институт химии, думается, будет свой. Вдоль улиц посадим фруктовые деревья. У нас растут отличные мичуринские яблони, груши, сливы. И местных сортов немало. Садоводы наперебой свои услуги предлагают, — говорит А. Налбандян.

— Водная станция и свой спортивный флот будут. И свои дома отдыха. Одним словом, наш город станет промышленно - курортным. Очень хорошим, особенным городом, — добавляет К. Маргарян.

...«Наш город». Он будет особенным еще и потому, что для застройки его Манвел Гарегинович Манвелян собирается предложить новый строительный материал — пенотуф, созданный в том же институте химии. С виду пенотуф, словно губка, — пористый, в воде не тонет, не сыреет, теплонепроницаем, морозоустойчив и звуконепроницаем. Его можно распиливать как угодно, в него можно вбивать гвозди, и он не крошится.

Камнем «крепчайшей легкости» был назван в свое время естественный туф. Эта характеристика тем более точна для пенотуфа. Если туф — создание природы, продукт вулканических извержений, то есть высоких температур и газов, то пенотуф некое продолжение того же процесса, но только искусственного и куда более спокойного. Отходы туфа в специальных печах плавятся при температуре 1 200°. Застывающей массе придается любая форма, необходимая для кладки стен, облицовки и т. д. Так создается пенотуф — материал в несколько раз легче туфа, но сохраняющий все его строительные качества. Из этого материала и мечтает Манвелян видеть новый город большой химии.

Раздан — быстротечная, веселая река Армении. Энергичная, неутомимая, вращающая турбины целого каскада электростанций. По имени реки назван и новый город, вырастающий на ее берегах. Вырастающий энергично и быстро, как текут воды этой чистой реки.

К. СЕРЕБРЯКОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»
г. РАЗДАН,
Армянской ССР

ГУМАНИЗМ НАШЕЙ ЭПОХИ

Б. РЮРИКОВ

ЛЕНИН не раз писал о «старых» словах, которые в новых исторических условиях получают новое содержание и новую жизнь. К таким словам относится и **гуманизм**. Немного есть слов, с которыми бы так старательно, как с этим, поработали лицемеры и обманщики, казенные профессора, богословы, публицисты, мастера облачать буржуазную фальшь в одежду красивых слов. Послушать таких мастеров — гуманизм состоит во всепримиряющей терпимости, умении подняться над «узкими», «партийными» интересами и стремлениями.

Научный коммунизм обогатил и наполнил новым содержанием само понятие гуманизма. Отвечая либеральным публицистам, которые осуждали классовую «узость» и воображали себя «возвысившимися» над всякой «партийностью» до «общечеловеческой» точки зрения», Ленин писал:

«Ошибаетесь, почтеннейшие. Эта точка зрения не общечеловеческая, а общехолопская».

Эти строки взяты из статьи «Памяти графа Гейдена» — блестящего памфлета, в котором Ленин разоблачил фальшь буржуазно-помещичьего «гуманизма», призванного мягкостью и благопристойностью прикрывать подлинное лицо угнетательских классов. Ленину принадлежит историческая заслуга очищения гуманизма от скверны буржуазного лицемерия; продолжая дело Маркса, он связал гуманизм с величайшим освободительным и созидательным движением человечества — с социализмом. Подлинный гуманизм — в полном и всестороннем освобождении человека от эксплуатации, от угнетения, в создании общества, в котором свободное развитие каждого неотделимо от развития всех.

«Основная цель всей жизни Ленина — общечеловеческое благо...» — писал Горький. «Я не могу представить его себе без этой прекрасной мечты о будущем счастьи всех людей, о светлой, радостной жизни». Но это не та любовь, которая льет примиряющий елей, заставляя забыть о том, что стоит на пути к счастью реального человека. Любить людей, стремиться к общечеловеческому благу, значит стремиться устранить все, что лишает счастья, сковывает и угнетает человека. Горький писал Р. Роллану о Ленине: «...Я особенно нежно и глубоко любил его за ненависть к страданию, за его неукротимую вражду ко всему, что искажает человека».

Подлинная любовь к людям не терпит расплывчатости, неопределенности, пассивности. Только социализм, указывал Ленин, «в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество». Эта задача требует величайшей решимости, целеустремленности, ясности мысли. Никчемные «воздыхания о дурном прошлом», как и «мечтания о хорошем будущем» сами по себе решительно ничем помочь не могут. Представители утопического социализма вдохновлялись самыми благородными идеями, но этот социализм «не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту **общественную силу**, которая способна стать творцом нового общества» (Ленин).

Маркс и Энгельс называли коммунизм **реальным гуманизмом.** Эта сжатая формула полна огромного значения. Коммунизм делает гуманизм **реальным**, связывает его с конкретной деятельностью во имя достижения человеческого счастья, с теми **общественными силами**, которые на деле способны обеспечить освобождение труда, счастливую жизнь людей. Научный коммунизм показал значение для блага человека развития материального производства и социальных отношений — он поставил на прочную почву борьбу за счастье человечества. Он провел упорные идейные бои против индивидуалистической философии, разобщающей людей, показав, что подлинное благо личности можно обеспечить только на основе освобождения и роста благосостояния **масс.**

Признание закономерности общественного развития не только не обрекает людей на пассивность, но, наоборот, требует их величайшей сознательности и активности, объединения их усилий: величайший гуманизм — не в пассивном сострадании, а в признании народных масс основным творцом истории. В этом — самое высокое **доверие** к человеку, доверие, неотделимое от требовательности, — ведь общество, заботясь о человеке, кровно заинтересовано в наиболее полном использовании всех его способностей и талантов.

В наше время всякого рода «этические социалисты» в буржуазных странах пытаются противопоставить свое учение слишком «суровым» и «земным» понятиям марксизма-ленинизма. Они разглагольствуют о человеческой душе, о нравственных побуждениях, о гуманных идеалах... Цель их — выхолостить реальное содержание из социалистического мировоззрения, свести его к абстрактным и ни к чему не обязывающим фразам о «преобразовании в области духа», увести массы от политической и экономической борьбы с эксплуататорскими классами, со всеми формами социального и национального порабощения.

Ленин раскрыл значение социализма, как поистине общечеловеческой цели: «...**Только** с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии **большинства** населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни».

В этом движении вперед неразрывно сливаются развитие **производительных сил**, дающее основу для подъема благосостояния масс, и **духовный прогресс** общества, рост нового сознания и культуры.

Ленин, который высмеивал либеральных идеологов за их напыщенные фразы о «вечных», «общечеловеческих» и т. д. ценностях, создал идейные ценности действительно вечные и действительно общечеловеческие — в самом высоком и благородном содержании этих слов. Только народ вечен и бессмертен, а социализм — это счастье, благо, всестороннее развитие народных масс. В гуманистических движениях прошлых веков, в творчестве великих мыслителей и художников прошлого Ленин брал все прогрессивное, служащее движению общества вперед. Он видел, что гуманисты прошлых веков, слабые в положительных выводах, оказывают огромное прогрессивное воздействие своей критикой старого мира, суровым пафосом обличения и негодования. Великолепным образцом умения до конца использовать критическое содержание гуманистического наследия являются ленинские статьи о Толстом.

Российские либералы говорили о Толстом как о «великой совести», рассуждали об «идеях правды, добра» и т. д. Они занимались этим тем старательнее, чем настойчивее обходили **конкретные вопросы** демократии и социализма, которые Толстой ставил живыми образами своих произведений: отношение к государству, к церкви, к частной поземельной собственности, к капитализму. Разоблачая либералов, вскрывая пороки реакционной «толстовщины» с присущей ей идеализацией патриархальных отношений, Ленин вместе с тем решительно подчеркнул то главное и прогрессивное, что близко нам в творчестве Толстого: страстную защиту угнетенного человека, горячий искренний протест против буржуазно-помещичьего насилия, против самодержавия и церкви. Пролетариат использует наследство Толстого не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о «божецкой жизни», не для того, чтобы они ограничивались проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились бороться и построили в борьбе «новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком» (Ленин).

Социалистический гуманизм, идеи которого осуществляются в борьбе рабочего класса и всех трудящихся, по самой природе своей чужд тенденции замыкаться, ограничиваться узким кругом сторонников. Именно потому, что это — **наиболее высокий тип гуманизма**, идеи его обращены к самым широким и все расширяющимся кругам людей. Социализм и коммунизм несут величественный прогресс во всех областях общественной и личной жизни и принципы социалистического гуманизма приобретают все новую привлекательность для народных масс во всем мире.

Именно поэтому реакционные борзописцы, рыцари продажного пера, не щадят сил, чтобы подорвать доверие к ленинскому гуманизму. Альфред Мейер, считающийся специалистом по научному коммунизму в Колумбийском университете (США) и выпускающий на средства пресловутого фонда Форда антикоммунистические сочинения, в своей книжке «Ленинизм» пытается доказать, что ленинизм... не гуманен и действует по старым рецептам отцов иезуитов. «Политика в глазах ленинцев аморальна. И, наоборот, любые политические средства, если они способствуют достижению правильных (по определению ленинцев) целей, приемлемы». Ленин, — пишет Мейер, — «был убежден, что цель оправдывает любые средства и что она служит их единственным оправданием». «Во имя партии он сознательно и намеренно приносил в жертву дружбу, теплоту и красоту».

Это — старый прием: подбрасывать коммунизму буржуазную безнравственность, неразборчивость в средствах и цинизм. Но принципы Макиавелли и иезуитов придумали не коммунисты — это защитники феодализма, а затем буржуазии разработали целую систему обмана, лицемерия, насилия во имя «святого дела» и веками применяют ее. Для дела реакции эта система естественна, но величайшее освободительное движение человеческой истории отвергает грязь и кровь, ложь и угнетение — родовые черты морали поработителей.

Не раз реакционеры, пытаясь дискредитировать социализм, указывали то на деятельность бакунинцев, то на авантюристические приемы некоторых русских революционных кружков в 60-е и 70-е годы. Но кому же не известно, что против бакунизма, против циничных методов его агентуры в России («нечаевщина») самым решительным образом выступил Маркс; что Ленин осудил авантюризм и вспышкопускательство групп и кружков, отражавших и в теории, и в практике своей слабость и раздробленность домарксистского, допролетарского освободительного движения?

(Окончание на 2—3-й стр.).

ХУДОЖНИКИ РОССИИ

21 ИЮНЯ в Москве открылся Первый съезд художников РСФСР.

Тепло встретили собравшиеся появление в президиуме товарищей А. Б. Аристова, О. В. Куусинена, Д. С. Полянского, Е. А. Фурцевой.

С большим вниманием было выслушано приветствие съезду от Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР.

— Сегодня у нас большой, торжественный день — это день нашего праздника, день больших забот и важных решений. Мы собрались с вами на Первый учредительный съезд художников Российской Федерации, — начал свой доклад председатель оргкомитета Союза художников РСФСР В. А. Серов. — Первый съезд объединяет в Союз художников Российской Федерации творческие коллективы художников краев, областей, автономных республик РСФСР. Этим актом закрепляется давний братский союз художников Советской России.

Но не только свидетельством дружбы и единомыслия художников Российской Федерации служит этот съезд, открывшийся в Большом Кремлевском дворце. Стоит только вспомнить дружные, долго не прекращавшиеся аплодисменты зала в тот миг, когда председательствующий Д. Шмаринов пригласил в президиум руководителей делегаций художников союзных республик и прибывшего на съезд М. Сарьяна, чтобы понять, какие тесные узы связывают всех деятелей искусства нашей страны, объединенных одними стремлениями, одним желанием быть верными помощниками партии и Советского правительства в деле коммунистического воспитания народа.

«Жизнь народа — источник творчества художника» — так назывался доклад В. Серова.

— Путь, пройденный изобразительным искусством Российской Федерации, — подчеркнул докладчик, — это путь борьбы за становление искусства социалистического реализма, за его народность и партийность, за высокую идейность и совершенное художественное мастерство.

Он напомнил собравшимся об открывшейся два месяца назад первой объединенной выставке художников РСФСР «Советская Россия», явившейся отчетом художников перед народом, живым свидетельством все возрастающего интереса к художественному творчеству широких масс трудящихся, все более укрепляющейся связи искусства с жизнью народа.

Самым радостным и значительным событием было посещение выставки «Советская Россия» руководителями партии и правительства, которые дали ей высокую оценку.

— Я счастлив передать вам, что Никита Сергеевич Хрущев тепло поблагодарил вас, художников Российской Федерации, за большой и успешный труд по созданию выставки «Советская Россия».

Оценка руководителей партии, являющихся самыми яркими выразителями мыслей и чувств нашего великого народа, вызывает у художников Российской Федерации высокую радость и ко многому обязывает нас.

В беседе на выставке Н. С. Хрущев подчеркнул, что предоставление более широких прав республикам способствовало новому большому подъему в культурной жизни Российской Федерации.

О радости творческого труда, о нерушимой связи советского искусства с жизнью народа, о правде — незыблемом законе творчества — говорили выступавшие в прениях С. Герасимов, Е. Кибрик, Д. Шмаринов, Е. Белашова, А. Левитин (Ленинград), В. Рогаль (Иркутск), О. Карташев (Куйбышев), А. Вязьникое (Свердловск) и другие. И все они могли повторить вслед за докладчиком, что жизнь народа была, есть и будет источником вдохновения для истинного художника, что нет силы которая свернула бы наше искусство с главной линии его развития — с пути социалистического реализма. Что в борьбе двух идеологий — буржуазной и коммунистической — художники Российской Федерации без колебания и компромиссов, последовательно отстаивают коммунистическую идеологию.

НА ВЫСТАВКЕ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Фоторепортаж М. ТРАХМАНА

Картина Г. Коржева «ПОДНИМАЮЩИЙ ЗНАМЯ». Она входит в серию «Коммунисты». Полотно никого не оставляет равнодушным.

И эту женщину, может быть, не так хорошо знающую картины, но знающую жизнь...

И поклонников необычного в искусстве...

И юных «ремесленников», у которых только началась пора первых выставок.

ВЕТЕРАНЫ

Александр КРОН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

НЕДАВНО я получил письмо от Евгения Гавриловича Юнакова. В годы Отечественной войны Юнаков командовал дивизионом подводных лодок. Теперь он воспитывает смену. Евгений Гаврилович приглашал меня на вторую встречу подводников — ветеранов войны на Балтике.

Еще не дочитав письма, я уже знал, что поеду. Дела, еще вчера казавшиеся неотложными, могут подождать. Захотелось повидать старых товарищей, пройти по улицам и причалам Кронштадта, незабываемого, неповторимого в своем суровом обаянии.

Незабываемое тоже забывается. Но ярко вспыхивает в памяти при малейшем напоминании.

Встреча ветеранов началась не в Кронштадте. Она началась в Ленинграде, на набережной Красного флота. Задолго до отхода катеров у пристани стали скапливаться люди в возрасте от сорока лет в гражданских костюмах и флотских тужурках со следами недавней обработки утюгом. Некоторые сразу бросаются друг другу в объятия, другие сперва смотрят прицеливающимся взглядом — он или не он? Служба на подводных лодках не молодит, да и воды утекло немало. Многие не виделись по десять—пятнадцать лет.

Мне все лица кажутся знакомыми. Моя память хранит сотни фамилий. Самое трудное — связать их между собой.

Кто-то (лицо очень знакомое) ласково хлопает меня по спине: «Здорово, дед!» Я тронут и несколько смущен — неужели я выгляжу дедом? Разгадка приходит ко мне несколько позже, при регистрации. В списках мы все числимся в своих прежних должностях и званиях. Я — редактор газеты «Дозор», старший политрук. А в «Дозоре», помимо передовых, я из номера в номер сочинял сатирический раешник и подписывался «дед Водяной».

Все бурно предаются воспоминаниям. Есть что вспомнить. Даже фарватер, которым идут катера,—памятен. В сорок первом году здесь не ходили, а прорывались. Подводная лодка могла проскочить только ночью, в полупогруженном состоянии. Из Лигова и Петергофа била немецкая артиллерия; авиация бомбила и минировала проходы...

— А помнишь, как мы подорвались вон у того буя?..

— А помнишь?..

Через час стоящие на палубе видят купол кронштадтского собора, а еще через десять минут мы высаживаемся у Петровского бульвара.

Ветеранов встречают с оркестром. Затем ведут к памятнику фотографироваться.

На сквере сооружена временная трибуна. Здесь состоится митинг и торжественная закладка памятника героям-подводникам, погибшим в боях в годы Великой Отечественной войны. На трибуну поднимаются представители флота и Кронштадтского Совета. Среди многих речей особенно запомнилась обращенная к молодым подводникам яркая речь Героя Советского Союза С. П. Лисина.

Небольшой перерыв, посвященный осмотру созданной при учебном отряде «комнаты боевой славы»,—и в новом здании матросского клуба открывается торжественное собрание. Начинается оно необычно — председательствующий знакомит собравшуюся в клубе молодежь с каждым из гостей, а их около двухсот. Среди этих двухсот—прославленные подводные «асы» и скромные береговики, адмиралы и матросы, находящиеся на действительной службе и ушедшие в запас и в отставку. Молодежь всех приветствует аплодисментами. Когда называют имена Героев Советского Союза Калинина, Коновалова, Лисина, командиров прославленных кораблей Грищенко, Матиясевича Могилевского, аплодисменты становятся бурными. С особенным увлечением, почти демонстративно, хлопает молодежь, когда было названо имя бывшего командира «С-13» Александра Ивановича Маринеско и встал небольшого роста человек, в поношенном штатском костюме с лицом немолодым и все-таки мальчишеским, ни дать ни взять, катаевский Гаврик в возрасте под пятьдесят. Но о Маринеско будет особый разговор, сперва несколько слов о митинге и собрании.

Все торжественное как-то не принято критиковать. Я думаю, что не испорчу праздника, отметив один-единственный общий для митинга и для собрания недостаток: они были слишком похожи.

В конце двадцатых годов я слышал доклад одного из величайших пропагандистов нашей партии Михаила Ивановича Калинина о коммунистическом воспитании. Это был поразивший меня своей задушевностью разговор с молодежью, не лекция, не ораторское выступление, а товарищеская беседа. Михаил Иванович стоял на самом краю кафедры, заложив руки за спину, и разговаривал с переполненным амфитеатром так, как не всякий умеет говорить в семейном кругу. Он не приводил цитат и статистических справок, а делился опытом своей богатой событиями жизни, рассказывал о себе, о своей семье, о воспитании собственных детей. И это было неотразимо.

Из многих тем, затронутых тогда Михаилом Ивановичем, мне на всю жизнь запомнились его соображения о роли агитации и пропаганды. Считая себя по преимуществу пропагандистом, Михаил Иванович с восхищением говорил о пламенных агитаторах партии Свердлове, Дзержинском, Ворошилове... При этом он отчетливо разграничивал сферы и методы пропаганды и агитации, предостерегая от обезличенного подхода и смешения.

В Кронштадте и на митинге, и на собрании были хорошие выступления, но, мне кажется, и митинг, и собрание только выиграли бы, если б не повторяли друг друга, если б речи на закладке памятника были короче и не читались по бумажке, а на встрече в клубе поменьше митинговали. Из двухсот гостей выступило едва десять, огромный багаж опыта, привезенный с собой ветеранами подводного флота, так и остался нераспакованным. Может быть, в дальнейшем следует устраивать в такой день не одну, а несколько встреч, может быть, менее торжественных, но более целенаправленных...

Пусть не погневаются на меня организаторы встречи за эти критические замечания — я именно потому их и делаю, что мне очень нравится замысел, да и в осуществлении вижу много удачного. Производит сильное впечатление «комната боевой славы», где собраны ценные материалы о боевой деятельности подводников. Хороша была веселая церемония — вручение командирам кораблей живых поросят.

Таков обычай: даже в годы ленинградской блокады флот встречал вернувшихся из успешного похода командиров традиционным подарком — поросятами для торжественного обеда.

За обедом я сижу с лембитовцами. С командиром краснознаменной подводной лодки «Лембит», ныне начальником лоцманской службы Ленинградского порта, Алексеем Михайловичем Матиясевичем мы регулярно встречаемся и состоим в переписке. Остальных я не видел много лет. Сейчас все они «на гражданке». Бывший инженер-механик лодки С. А. Моисеев работает в конструкторском бюро, минер Я. Ш. Ошерович учится, командир отделения трюмных И. Я. Грищенко — инженер по ремонту на моразводе, старшина электриков Т. Б. Сумера — директор Таллинского художественно-промышленного комбината, бывший секретарь парторганизации «Лембита» старшина мотористов В. И. Грачев снова на партийной работе — инструктор райкома, старшина торпедистов П. Н. Ченский — начальник цеха зеркальной фабрики, командир отделения трюмных Ф. В. Посвалюк стал начальником поезда, другой командир отделения моторист Н. Н. Шеханин работает слесарем-механиком. С боцманом Н. И. Дмитриевым мы в некотором роде коллеги, состоим в одном профсоюзе — он работает в типографии. Всего десять человек, но люди самые что ни на есть отборные, испытанные в бою и в труде, об их делах не раз писали в «Дозоре», да и в центральной печати. Все это еще не старые люди, и своей прежней профессии не забыли. Я полушутя спрашиваю Матиясевича: если б наш стол был лодкой, смогли бы вы отойти от пирса? Алексей Михайлович улыбается, затем всерьез задумывается. Он оглядывает всех сидящих за столом, прикидывает.

— Смогли бы, — говорит он с серьезным видом, — не только отойти, но погрузиться и всплыть. А если понадобится, то и выйти в атаку...

Но вернемся к сидящему за соседним столом Маринеско. Я помню его командиром «малютки». О нем говорили как о скромном, храбром и независимом человеке, матросы его любили. Воевал он отлично. О его боевых успехах теперь уже можно говорить не предположительно, а точно. На первой встрече ветеранов-подводников, происходившей в Кронштадте год или два назад, были опубликованы уточненные по послевоенным данным сведения о боевых успехах подводников Балтики. Первое место по тоннажу вне всякого спора принадлежит Александру Маринеско. На втором месте — Петр Грищенко.

Однако за пределами узкого круга имя Маринеско почти неизвестно. В печати оно не упоминается. В Центральном военно-морском музее, что на Биржевой площади, висит большая писанная маслом картина, изображающая подвиг подводной лодки «С-13». Название лодки рассекречено, засекречена почему-то фамилия командира. А сам герой — старший лейтенант в отставке, получающий наименьшую из возможных пенсию.

— Но, вероятно, — возразит мне солидный читатель, — на то имелись серьезные основания?

Да, основания были. В трудной и опасной жизни Маринеско были ошибки — бытовые и служебные. Были взыскания, были снижения в должности и звании, и даже судебный приговор по хозяйственному делу. Не будем сейчас внедряться в прошлое. Для меня важно одно: ошибки Маринеско — результат слабости. Но не подлости. Его горячий патриотизм, беззаветная преданность социалистической Родине не подлежат сомнению. А раз так, никто не вправе отнимать у героя кровью завоеванную боевую славу. Дело не в самом Маринеско. В справедливости заинтересованы все. Советский боец воюет не ради славы, но несправедливость больно ранит, а иногда толкает на ошибочные поступки. Нельзя вечно помнить ошибки и забывать подвиг. И соображения типа: «целесообразно ли его подымать, что-то у него, кажется, не в порядке»...—при всей своей внешней ортодоксальности, зачастую оказываются мелкими соображениями.

На другой день после кронштадтской встречи я был в Центральном музее и видел «анонимную» картину. Научные руководители музея охотно предоставили в мое распоряжение официальную справку. В ней нет ничего секретного и (пусть мелким шрифтом) приведу ее полностью:

Министерство Обороны Союза ССР
Военно-Морской Флот
15 июня 1959 г.
№ 11/202
г. Москва.

Копия
Вх. № 1753
30. VI. 1959 г.

Отдел кадров ЛВМР

Справка

Капитан 3 ранга Маринеско Александр Иванович в период Великой Отечественной войны проходил службу на Краснознаменном Балтийском флоте в должности командира подводной лодки «М-96», а затем «С-13».

Из хранящихся в Историческом отделении ГШ ВМФ документов следует, что в боевых походах подводных лодок под командованием тов. Маринеско А. И. личный состав действовал слаженно, умело и самоотверженно, и сам командир показал высокое мастерство, решительность и храбрость в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Согласно научно проверенных данных тов. Маринеско А. И., командуя подводной лодкой «М-96», уничтожил 14 августа 1942 г. вражеский транспорт тоннажем 7000 брт. (арх. ИО ВМФ, д. 1895, л. 20; д. 3375, л. 74—77). Командуя «С-13», тов. Маринеско А. И. уничтожил транспорт тоннажем 5 000 брт. (д. 16157, л. 14—15, ЖБД противника группы армий «Север», инв. 359, стр. 217); транспорт «Вильгельм Густлов» тоннажем 25484 брт. 30 января 1945 г. На транспорте погибло более 4 000 солдат и офицеров противника (дело 20645, л. 6; д. 16110, л. 13; д. 13752, л. 2, германский справочник Гюнтера Штейнвега, стр. 157); транспорт «Штейнбен» (по донесению крейсер «Эмден») тоннажем 14660 брт. 10 февраля 1945 г. На транспорте погибло свыше 3 000 солдат и офицеров противника (д. 16106, л. 85; д. 16107, л. 34; д. 13752, л. 23. Справочник Гюнтера Штейнвега, стр. 147).

П. п. Начальник Исторического отделения ВМПО ГШ ВМФ
капитан 1 ранга — Ачкасов

Верно: Зав. общим отделением
ЦВММузея — Панова

Нужны ли комментарии?

Но вернемся к остальным ветеранам. Ветераны довольны приемом, рады встрече с молодежью и со старыми боевыми друзьями. Один катер уже ушел в Ленинград, скоро должен отойти второй. В ожидании второго катера ветераны курят и перебрасываются словами. Кто-то полушутя говорит:

— Третьим не прикуривают.

— Предрассудок, — заявляет другой. — Во времена англо-бурской войны это была верная примета. Было замечено, что ночью пуля снайпера чаще всего достается тому, кто прикуривает третьим. Но техника идет вперед, с тех пор как изобретен оптический прицел, опаснее прикуривать вторым.

— Тоже устарело. В век ракетного оружия лучше вообще не играть с огнем. Сразу влепят первому...

Очень толковое замечание, к которому следовало бы прислушаться ветеранам холодной войны. У советских ветеранов есть надежная смена. Да и сами они еще хоть куда...

НА ВЫСТАВКЕ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Картина А. Лактионова «ОБЕСПЕЧЕННАЯ СТАРОСТЬ» на выставке «Советская Россия» вызвала бурные дебаты зрителей:

— Вы утверждаете, что это искусство? Но разве вы ждете от искусства полного совпадения с цветной фотографией?!

— Нет, вы только посмотрите, каждую шерстинку могу сосчитать у кошки!

— Вы понимаете, нарисовано мастерски, но ведь художник не отбирает, не концентрирует наше внимание на главном. Для него все главное — и фикус, и подсвечник, и кошка, и человек!

— Что бы там ни говорили, а это здорово! Посмотрите, как написана шаль — ведь пощупать хочется, — а подсвечник, а фикус, а седые волосы!..

— Ну и что нового рассказал мне художник?

ГЛАВНОЕ—ВПЕРЕДИ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Леонид ИВАНОВ

НА ВСЕСОЮЗНОЕ...

Сибирский экспресс спешит: на большой скорости проносится мимо станций и полустанков, на короткое время останавливается в городах.

Но, как ни быстро мчит поезд, агроном Кирилл Данилович Грисимов успевает заметить все, что происходит на пробегающих мимо полях. Где-то вблизи Макушина он сказал:

— Сорнячки-то все же есть. Плоховато обрабатывали, видно, спешили.

За Шадринском уже иным тоном:

— Сколько у них тут паров подготовлено! Молодцы...

Спутники Грисимова глядят в окно. Сейчас уже нетрудно отличить зазеленевшие ковры посевов от квадратов паровых полей.

— А будет на совещании разговор о парах? — неожиданно спрашивает Василий Николаевич Лебедев, главный агроном совхоза «Сибиряк».

— Должен быть, — уверенно отвечает Грисимов.

Рядом с щуплым Лебедевым — покорителем целины — сидит плечистый, с хитроватым прищуром небольших серых глаз Николай Михайлович Климанов — это специалист по старопахотным землям. Он лет уже пятнадцать главный агроном совхоза «Боевой»...

Разговор в купе шел о предстоящем совещании специалистов, на которое все они ехали.

Грисимов заговорил спокойно:

— Да, о многом придется поговорить. Опыт у сибиряков теперь богатый. Вот они, — глянул он на Климанова и Лебедева, — при любой погоде хороший урожай получают.

— А мы? — улыбнулась женщина со второй полки. Сибирские животноводы хорошо знают Дину Кузьминичну Нечаеву — селекционера племсовхоза «Омский», заслуженного зоотехника республики.

— Вам-то, Дина Кузьминична, грех обижаться, — возразил Грисимов. — Ваши агрономы всегда высокий урожай получают...

Купе все больше набивалось пассажирами. В разговор включались агрономы, инженеры — у всех у них большие надежды на всесоюзное совещание.

ДИНА КУЗЬМИНИЧНА ДОВОЛЬНА

В Большом Кремлевском дворце собралось без малого 2 700 специалистов и практиков сельского хозяйства, ученых и руководящих работников. Обсуждался коренной вопрос дальнейшего развития производительных сил советской деревни. Речь шла о научно обоснованной системе ведения сельского хозяйства.

Велики успехи советской деревни. О них рассказал министр сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевич. Освоены десятки миллионов гектаров целины, на востоке страны создана новая крупная зерновая база. Это дало возможность увеличить посевы сахарной свеклы и других ценных культур в районах с наиболее благоприятными для этих культур природными условиями. Создались предпосылки для широкой специализации производства.

В перерыве я встретился с Д. Нечаевой. Ее бойкие серые глаза сверкают, с лица не сходит довольная улыбка.

— Вы обратили внимание, — говорит она и почти дословно цитирует понравившееся ей место из доклада: племзаводы должны стать специализированными хозяйствами, где главная продукция — племенной скот.

Радость Дины Кузьминичны понятна. Совхоз «Омский», в котором она работает, тридцать лет развивался как племенное хозяйство. В 1953 году от каждой коровы в среднем было надоено по 5 485 килограммов молока. Более высокого показателя Сибирь не знала и не знает пока еще. Но в последующие годы продуктивность племенных коров упала почти на тысячу килограммов!

Почему так? Главная причина в том, что племсовхозу предложили развивать свиноводство и птицеводство, чтобы поднять производство мяса на сто гектаров земли. Теперь свиней в хозяйстве больше, чем крупного рогатого скота. И кормов не хватает.

Дина Кузьминична услышала на совещании то, о чем мечтала.

Мы целиком на стороне Дины Кузьминичны. Но нельзя, однако, забывать и о трудностях, связанных со специализацией хозяйства.

Для примера можно сослаться на Омскую область. Здесь в каждом колхозе и совхозе, помимо молочного скота, обязательно есть свиноводческая и птицеводческая фермы, большинство хозяйств держит овец, понемножку кроликов. И теперь название совхоза ни о чем уже не говорит. Скажем, Черлакский овцесовхоз производит зерна больше, чем многие зерновые; Ачаирский свиносовхоз надаивает молока больше, чем известный в Сибири молочный совхоз «Северо-Любинский».

В этих условиях не так-то легко осуществить специализацию. Придется перестраивать помещения для скота. Возникнет и ряд других проблем. Впереди — большая работа по разумному переходу к специализации.

СПЕЦИАЛИСТ И ЕГО ПРАВА

Министр совхозов Казахстана А. И. Козлов привел такой пример: в условиях Северного Казахстана лучший срок посева яровой пшеницы — вторая декада мая. Однако в отдельные годы более удачными оказываются иные сроки сева. В этих условиях самое страшное — шаблон. Надо, говорит А. И. Козлов, сделать так, чтобы сроки полевых работ не диктовались сверху, а устанавливались специалистами на месте.

Между тем часты еще случаи администрирования, подмены специалистов районным работником. В одном хозяйстве районный прокурор, вопреки протестам агронома, заставил косить... недозревшее просо. А в Кустанайской области в минувшем году предложили колхозам сдать на элеваторы сухое зерно, пригодное на семена, а потом вынуждены были обменять некондиционные семена. Это обошлось государству в полтораста миллионов рублей.

Да, есть еще у нас любители не считаться с агрономом. А дело требует, чтобы агроному предоставили такие же права в вопросах технологии производства, какие даны инженерам в промышленности, врачам в медицине.

Я упоминал о двух хороших агрономах — Василии Лебедеве и Николае Климанове. Они мастера своего дела. Климанов ввел севообороты на всей площади, включая и те поля, которые прирезаны совхозу три года назад. При этом севообороты правильные, с полями чистого пара. В прошлом году на паровых полях совхоз снял по 23 центнера пшеницы с гектара — в два раза больше, чем на зяби.

Ввел правильные севообороты и Василий Лебедев. Однако отстоять чистые пары не смог, хотя права у обоих этих агрономов одинаковые, работают они в одной области.

В чем же дело?

— Пока планирование ведется под диктовку сверху!

Это сказал на совещании А. А. Пак — начальник Кустанайского областного управления сельского хозяйства.

Но возникает и другая мысль: не хотят ли некоторые агрономы спокойной жизни, «Дали указание, нарушающее севообороты, — выполню. А если результат окажется неважным,— думает такой агроном,— с меня не спросят: я же выполнял установки». Так, конечно, жить легче, но может ли специалист идти на сделки за счет матушки-земли и батюшки-урожая?

СЧЕТ НАУКЕ

На совещании указывалось на отставание сельскохозяйственной науки, особенно экономической.

Об этом говорили на совещании и директор совхоза «Гигант» Д. Д. Ангельев, и председатель сталинградского колхоза имени Чапаева Н. И. Касторниченко.

— Почему только сейчас так остро встал вопрос о специализации? — спрашивал Касторниченко. — Да потому, что наши экономисты все отмалчивались и только недавно начали говорить об огромной ее эффективности.

Министр сельского хозяйства Украины М. С. Спивак рассказал, что в республике решено в течение двух лет подготовить из числа специалистов, знающих сельское хозяйство, не менее двух тысяч экономистов для колхозов и совхозов. Что ж, такую инициативу нужно приветствовать. Современному хозяйству без экономического анализа повседневной своей деятельности не обойтись.

Немало претензий высказывалось на совещании и в адрес конструкторов машин. До сих пор не созданы комплексы машин для механизации животноводческих ферм, для уборки трав и многих других работ.

По многим вопросам дальнейшего развития сельского хозяйства состоялся интересный, принципиальный разговор. Дело теперь за творческим внедрением разработанных рекомендаций. А это и есть самое главное.

КАК ПРАВИЛЬНО ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ?

КАЖДЫЙ, кто внимательно относится к русской речи, кто заботится о чистоте русского языка, с огорчением замечает, сколько существует ошибок в речи, отклонений от литературных норм. Слушатели радио, театральные зрители, любители телевизора и внимательные наблюдатели современной живой разговорной речи справедливо возмущаются. При этом мнения расходятся. То, что одним представляется правильным, другие считают ошибкой. Почему так происходит? Разве нет раз навсегда данного правила произношения?

Да, на все случаи нет вековечного правила. Почему? Язык живет, развивается, совершенствуется, в нем борются разные (и, прибавим, исторически закономерные) «правила». То, что было хорошо в одну эпоху, не одобряется в другую. Например, со второй половины прошлого века московский Малый театр авторитетом своим установил как литературную норму произношения шыги, жыра, что соответствовало тогдашнему произношению литературно образованных людей и отражало народное произношение Центральной России. Однако это было своего рода исключение, так как во всех случаях, не после шипящих, в предударном слоге всегда произносится звук а, а не ы: на письме вода, а произносится вада. Теперь же, по законам аналогии, это старое произношение вытесняется произношением шаги, жара. С прямыми ошибками против литературной нормы легко бороться — они бесспорны. Никто также не станет защищать, например, северное диалектное «цоканье» или южное диалектное «яканье». Труднее с исторически закономерными колебаниями, о которых мы говорили. Но и с этими колебаниями нельзя мириться. Каждая эпоха должна иметь общепризнанную норму для всех видов публичной речи.

Как узаконить такую норму для нашего времени? Надо прислушаться, как говорят теперь люди, владеющие литературным языком. Надо выяснить тенденции развития литературного произношения.

С этой целью Институт русского языка Академии наук СССР предпринял сейчас широкое обследование современного русского литературного произношения. Он издал «Вопросник по современному русскому литературному произношению», ответы на который дадут необходимый материал для суждения о нормах современного произношения. Этот же вопросник публикуется в журнале «Русский язык в школе». Читатели «Литературной газеты» могут выписать «Вопросник» из Института русского языка Академии наук СССР, Москва, Волхонка, 18/2.

В первую очередь Институт русского языка Академии наук СССР ждет ответа от мастеров слова — писателей. Ждем, что и самые широкие круги советской интеллигенции откликнутся на наш вопросник.

Сергей ОЖЕГОВ,
доктор филологических наук

ГУМАНИЗМ НАШЕЙ ЭПОХИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Призывая учиться на опыте революционной борьбы, Ленин, в частности, подчеркивал, что «только целесообразное сопротивление реакции служит революции». Поединки одиночек имели обычно отрицательные последствия, так как они «непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка». Ленин и партия отвергли авантюристические методы, путчи, индивидуальный террор, так как эти средства сковывают революционную активность масс, мешают росту их сознательности и самодеятельности.

Пролетариат, идущие за ним трудящиеся массы — это сила восходящая, крепнущая. «Честность в политике есть результат силы, лицемерие — результат слабости», — писал Ленин. (Выделено мной. — Б. Р.). В 1917 году, отвечая хору реакционных борзописцев, Ленин подчеркнул, что пролетариат считает непристойным для себя пользоваться теми средствами, к которым прибегают реакционеры. «Никогда пролетариат не прибегнет к клеветам... Пролетариат будет действовать не клеветами, а словом истины».

Империалистическая реакция, осуществляя свою бесчеловечную политику, закономерно прибегает и к низким, бесчеловечным средствам.

Буржуазные деятели открыто попирают мораль и право, не задумываясь, нарушают созданные ими же законы. Когда американская военщина посылает в провокационные шпионские полеты свои самолеты, а государственные деятели США сначала цинично лгут, что ничего подобного не было, а потом, припертые к стене, столь же цинично заявляют, что эти провокации совершаются во имя... мира и безопасности людей, — они показывают всему человечеству, кто сегодня строит свое поведение на основе принципов Макиавелли и отцов иезуитов.

Благородным и гуманистическим целям социализма не могут служить средства, вносящие деморализацию в сознание масс, унижающие наше великое дело и приносящие ему ущерб. «Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма» (Ленин).

Высоту социалистических идеалов марксизм-ленинизм сочетает с величайшей силой активности во имя их утверждения.

Подлинный гуманизм оптимистичен, но этот оптимизм не имеет ничего общего с распространением сладких и благодушных иллюзий. Сколько есть «гуманистов», усердно повторяющих, что единственным оружием гуманиста должно быть кроткое, поучающее слово. Конечно, хорошо бы строить все отношения людей только на добром согласии... Но тот, кому не безразличны интересы людей, не имеет права забывать, что в мире еще достаточно всякого рода черной нечисти. Для реакционных насильников, империалистических авантюристов, колониальных разбойников, организаторов антинародных заговоров и т. д. было бы лучшим видом поощрения, если бы прогрессивные силы заняли позиции смирения, непротивления злу. События наших дней заставляют напомнить, что гуманизм требует преодоления воинствующей бесчеловечности. Народ, который борется за счастье, должен уметь его отстаивать твердой рукой — это тоже заповедь подлинного гуманизма.

Н. К. Крупская вспоминала, что в день своего рождения Владимир Ильич любил уходить на далекую прогулку куда-нибудь в лес. Ва таких прогулках он говорил о том, что более всего его волновало. «Весенний воздух, начинающий пушиться лес, разбухшие почки — все это создавало особое настроение, устремляло мысль вперед, в будущее хотелось заглянуть». Во время одной из таких прогулок Ленин «стал говорить — в связи с одним изобретением — о том, как новые изобретения в области науки и техники сделают оборону нашей страны такой мощной, что всякое нападение на нее станет невозможным. Потом разговор перешел на тему о том, что, когда власть в руках буржуазии, она направляет ее на угнетение трудящихся, что, когда власть в руках сознательного организованного пролетариата, он направит ее на уничтожение всякой эксплуатации, положит конец всяким войнам. Ильич говорил все тише и тише, почти шепотом, как у него бывало, когда он говорил о своих мечтах, о самом заветном».

Ленин не думал, что вечный мир сам собою низойдет на землю, он думал о том, как использовать силу социализма, чтобы навязать мир и устранить войну из жизни общества. Это и есть активный гуманизм, а фальшивое «человеколюбие», которое усыпляет и разоружает разговорами о ненужности насилия вообще, — есть не больше чем уловка врагов гуманизма!

Гуманизм Ленина, вера его в прогресс, в силу человечества обуздать зло делали

Алим КЕШОКОВ

ДОСТОВЕРНОСТЬ ОБРАЗА

Завтра в Саранске — столице Мордовской АССР на выездном заседании секретариата правления Союза писателей РСФСР начинается обсуждение произведений писателей Мордовии, Чувашии, Марийской АССР, Удмуртии, Карелии, республики Коми и Коми-Пермяцкого национального округа.

Ниже мы публикуем статью А. Кешокова, освещающую одну из тем доклада «Правда жизни и литература».

ВИДЕТЬ правду жизни, уметь ее раскрывать — главное для писателя. Если писатель не научился видеть, для него исключено художественное понимание человеческих характеров, явлений, фактов, событий.

В повести марийского писателя Никандра Ильякова «Зеленое золото» райком партии направляет на лесозаготовку инструктора Толоконцева в развалившуюся бригаду.

Толоконцев, ознакомившись с рабочими-лесозаготовителями, решил: главное — «вдохнуть веру в свои силы, поднять дисциплину труда — и тогда все придет: хорошие заработки, и хорошие обеды, и прозодежда, и тюфяки на койках, и чистота в бараках».

Толоконцев удлиняет кабель, который соединяет электропилы с передвижной электростанцией, организует доставку обеда к рабочему месту и обращается к рабочим со словами:

«— Да что деньги! Многие уже стали понимать, что кубометры — это не только рубли, а будущие города, плотины, новостройки. Вот это и силы и охоту прибавило...»

Финал повести ясен: бригада по мановению авторского жезла становится образцовой, выполняет норму на 180 процентов.

«Толоконцев поспешил улыбнуться».

Еще для многих писателей прием: «пришел, увидел, победил» остается общей болезнью. Поэтому стоит разобраться, почему же «Толоконцев поспешил улыбнуться». Этого захотелось автору. Его герой — инструктор райкома, один из персонажей, заполняющих страницы десятков романов и повестей, которые действуют по заранее заданной схеме, действуют автоматически, как электронный человек.

Бесспорно, все, что рассказал нам Ильяков, могло произойти, но писатель не сумел художественно убедить в достоверности совершившегося, не показал, как изменялся самый прочный материал — человеческий характер, как он покорялся силе партийного слова. Если бы автор сумел увидеть это, он сумел бы найти убедительные художественные средства изображения.

Лев Толстой говорил: «Герои и героини мои... делают то, что должны делать в действительной жизни.., а не то, что мне хочется».

Ильякову безропотно покорны герои его произведения, они лишены самостоятельной жизни, своего характера.

Как известно, герой зачастую нарушает сюжетную линию, не подчиняясь первоначальному замыслу, вносит в него коренные изменения, конечно, если этот герой с характером, если он живет своей жизнью. Так, например, произошло с героиней «Виринеи». Лидия Сейфуллина задумала Виринею профессиональной революционеркой, которая уходит в Красную гвардию и потом продолжает работу в Красной Армии в качестве политического работника. Но героиня «поправила» замысел автора, сломала его план.

Писательница, раскрывая образ героини, взвесила черты ее характера и убедилась: Виринея не может быть политруком. На что действительно способна первая бунтарка в сибирской деревне, — это умереть за революцию. И автор, вопреки своему прежнему плану, написал именно так.

Иной автор чинит насилие над героем, над логикой его образа. Герой романа «Лавгинов» — мордовского писателя Василия Коломасова — Яхим застает свою жену с другим. Автор описывает эту сцену так:

«Несчастный Яхим Петрович! Никогда еще он не попадал в такое нелепое положение, как сейчас. Знал бы, что под навесом милуется его благоверная с этим паршивцем, он бы скорее умер, чем открыл калитку. Может, и не умер бы, а поглядел бы в щелку...»

Умереть от ревности и смотреть в щелку, как твоя жена милуется с другим, — это явления далеко не одного и того же порядка. Но что происходит с героем? Автор пишет: «...в его душе заклокотала ревность: он готов был учинить скандал, броситься с кулаками на обоих...»

Яхим по складу своего характера мог это сделать. Но этого-то Коломасов своему герою и не позволил.

Яхим Петрович совершает неожиданные поступки, но их неожиданность объясняется не своенравием героя, а художественным произволом автора.

Художественное видение жизни сопряжено с мастерством и культурой, талантом и позицией художника.

Умение освещать действительность в ее закономерностях требует не только правды изображения характера героя, но и правды жизни во всем.

Первая часть большого романа удмуртского писателя Трофима Архипова «У реки Лудзинки» посвящена трудовому героизму колхозников в тяжелые годы войны. Но можно ли поверить автору, что Палаша — одна из героинь романа, узнав о гибели мужа на фронте, спокойно говорит: вот теперь-то я поработаю как еще не работала, — и отказывается от дня отдыха, который ей дают, чтобы вдова могла прийти в себя.

***

В рассматриваемых нами литературах есть немало произведений, радующих нас тем, что писатели, борясь за большие темы, во многом решают их с успехом.

Огромной теме национального возрождения посвящен ряд произведений писателей братских литератур, такие, как «Семья Аптраман» П. Хузангая, «Охотник» М. Кибека (Чувашия), «Алая лента» В. Юхнина (Коми АССР), «Родными тропами» А. Тимонена (Карелия), «Старый дом» Г. Красильникова (Удмуртия), «Широкая Мокша» Т. Кирдяшкина, «Свежий ветер» И. Антонова (Мордовия)... Перечень далеко не полный, произведения разные по своему художественному уровню, но все они говорят об одном — о начале большой прозы в национальных литературах Российской Федерации, о ее серьезных потенциальных возможностях.

Недавно Леонид Соболев сказал: «Собственность, цепко въевшаяся в наше сознание, выражает свое эгоистическое, отравляющее душу человека влияние во многих сторонах его жизни. И наша задача — заниматься большой и малой хирургией, вырезая эти атавистические опухоли».

Именно этой теме посвящена интересно написанная повесть «Старый дом» Геннадия Красильникова.

Живучая кулацкая психология в условиях нашей сельской действительности порождает среди антиобщественных элементов всякого рода расхитителей, стремящихся к легкой наживе. В романе «Охотник» М. Кибек с завидным знанием материала ставит большую общегосударственную проблему, разоблачает браконьеров, превративших государственные охотничьи хозяйства в источник личного обогащения.

Роман Василия Юхнина «Алая лента» относит нас к предоктябрьскому периоду, когда народ коми проникался революционными идеями, организовывался для борьбы против местных богатеев и колониальных поработителей, хищнически эксплуатировавших природные богатства Коми — лес, выжимавших последние соки из трудового народа. Автор пишет с большой любовью о родной стране, ее природе, яркими красками раскрывает образы героев. Книга полна интересных наблюдений, точных деталей.

В романе-хронике Т. Кирдяшкина «Широкая Мокша» мы хорошо видим автора с его интересной биографией, но плохо различаем расплывчатые характеры его героев, лишенных художественной достоверности. Нельзя забывать о языке героев. Фальшь языка ведет к фальши образа в целом. В романе Кирдяшкина дореволюционная учительница, обращаясь к ученикам и родителям, говорит так:

«— Дорогие друзья! Каждому человеку в конце года необходимо посмотреть на путь, пройденный за истекший год, и отметить, что в нем было хорошего и что дурного... В истекшем 1904 году нам пришлось пережить тяжелые события. Возьмем русско-японскую войну».

Приветствуя рождение большой прозы в наших республиках, мы не должны проявлять терпимость к недостаткам и прощать их авторам. Настал момент предъявить самые высокие требования к прозе молодых литератур Федерации.

Надо учесть, что культура читателей республик и областей развивалась не параллельно с развитием национальной литературы или не по мере ее формирования, а обгоняя ее, — их художественный вкус формировался на материале русской и мировой классической литературы. Нашим читателям уже сегодня нужны произведения, написанные по большому счету.

Художническое видение жизни писателем должно привлекать читателя своей глубиной, зоркостью, правдивостью. Но когда читатель видит дальше, чем автор книги, то ему нетрудно определить, где писатель пишет правду, где он фальшивит, и уличаемый в фальши писатель теряет самое дорогое для него, без чего он жить не может, — доверие читателя.

Никул ЭРКАЙ

ДОРОГИ

Вот высокий порог. Я стою на пороге.
Омывают порог, словно реки, дороги.
А по ним дни и ночи, недели и годы
Все идут пешеходы, идут пешеходы.
Сушит зной, бьют бураны, метели
молотят,
А они все проходят, они все проходят,
Бесконечны, бессчетны
и неудержимы...
О дороги! Вы, как кровеносные жилы.
Это жизнь по излучинам вашим
стремится...
Свет из окон моих на дороги
струится.
Вот большие машины в ночи
пропадают,
Только синие тени к земле припадают.
Вот погонщики гонят стада
по дорогам
То лесной стороною, то в поле
широком.
И опять пешеходы... все снова и снова.
Кто им скажет в дорогу сердечное
слово?
Кто им песню поможет запеть среди
ночи?
Ведь березы молчат у дорожных
обочин.
А дороги шуршат и шуршат
под ногами.
Загораются окна мои маяками!
А дороги звенят и поют, и грохочут,
Словно каждая главное высказать
хочет.
Кое-кто говорит мне как будто
резонно:
«Уходи-ка ты
от суеты и трезвона!..» —
А куда я уйду? А смогу ли
укрыться?..
Это жизнь по дорогам течет
и клубится.
Как я братьев своих — пешеходов
покину?
Я без них ни за грош пропаду.
Я погибну,
Что смогу совершить я без них,
одинокий?..
Вы бегите, дороги! Звените, дороги!

Перевел с мордовского-эрзя
Булат ОКУДЖАВА

Б. ПРОРОКОВ. «За колючей проволокой».

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СЧАСТЬЕ...

Григ. СОЛОВЬЕВ

СЕРГЕЙ Васильев дал своей новой книге, как говорится, обязывающее название — «Что такое счастье».

Каких-то особых откровений поэт здесь не делает. Он лишь по-своему, по-васильевски, образно и эмоционально, конкретизирует нормы и правила нашего бытия, наше понимание счастья.

Могут заметить: хороша, мол, поэзия, если она лишь «конкретизирует». А где же «открытия», о которых много говорит критика, которых она настойчиво требует также и от поэзии?

Мы, понятно, не против истинных «открытий в области человеческого сердца» (Добролюбов). Но плохо, если этими определениями затеняется большая, я бы сказал, основная задача литературы, значение которой, по мнению Добролюбова, «состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует».

Может быть, кто-либо из «чересчур тонких» знатоков поэтического образа сочтет это определение — пропаганда — принижающим поэзию, так сказать, случайно вырвавшимся у Добролюбова. Но это не так.

Если хорошенько вдуматься в эти слова, окажется, что они нисколько не принижают поэзии. Они дают поэту настоящую точку опоры для самого широкого и целеустремленного творчества.

В интересном, хотя и несколько утрирующем мысль стихотворении С. Васильева «Ответ по существу» хорошо передана общая направленность его поэтической пропаганды. В стихотворении показана этакая «критическая» личность, недовольная всем происходящим, даже тем, что ее собеседник на вечерах выступает:

Да ты, брат, я вижу, того!
Поэт и трибун! Выступаешь!
А можно узнать — за кого?!

Я, глядя в глаза краснобаю,
сказал без нажима, но всласть:
— За кого говоришь, выступаю?
Да все за советскую власть!

И этим благородным пафосом пронизана вся книга С. Васильева.

Немало внимания автор уделяет борьбе с людьми, которые привыкли лишь получать от жизни, ничем не оплачивая этот долг. Их еще много, подобных типов. Иногда эта тема у С. Васильева получает развернутый сюжет. Иной раз она воплощается в сатирическую миниатюру, как, например, в стихотворении «Любителю поспать».

В общем то, что поэт стремится донести до читателя, то, в чем он хочет убедить его, почти всегда заслуживает внимания и одобрения.

Но достоинство поэзии, как известно, определяется еще и другим решающим фактором — с каким художественным умением автор пропагандирует свои хорошие и важные мысли. В этом отношении можно много сказать и доброго, и недоброго в адрес боевой поэзии Сергея Васильева. Тут автору, скажем прямо, не всегда хватает вкуса и терпения, того терпения, о котором сам Васильев очень тонко и справедливо написал:

Ты говоришь, что все трудней писать,
что не дается
нужная строка.
Вот, кажется,
она уже близка,
ан вырвалась, коварная, опять
и дразнится, маня издалека.

А ты терпи, хоть муки велики,
держи на взводе хитрый карандаш,
иначе потеряешь власть руки
и дорогое золото строки
другому, терпеливому, отдашь...

Многие и лирические, и публицистические, и сатирические стихи С. Васильева свидетельствуют о том, что поэт не терял «власть руки».

Хорошо написано стихотворение «Девятнадцатый». Оно рождает в нас целый комплекс добрых ответных чувств. Даже для темы, где, кажется, уже исчерпаны все образные формы и приемы, С. Васильев порой находит интересное поэтическое решение...

Вот воинственные заморские «дяди» нетерпеливо глядят на часы. Им не терпится подать боевую команду. Стихотворение заканчивается выразительными строчками:

Ведь, кроме них, под небосводом
есть с честной стрелкою прямой,
с неумолимо точным ходом
часы Истории самой.

Но, пользуясь выражением С. Васильева, нам хотелось бы и свой разбор стихов поэта повести «неумолимо точным ходом». А он, этот «ход», покажет, что у поэта имеется некоторое расхождение между декларацией о терпеливых поэтических поисках и тем, что он порою нам преподносит...

Такому чуткому поэту, как С. Васильев, иногда недостает вкуса. Только этим можно объяснить появление многих крайне слабых, не по авторскому поэтическому росту, стихов и строф. Ведь С. Васильев, вероятно, и сам понимает, что, например, следующие строки не обладают какими-либо поэтическими достоинствами:

Пусть плоды чужого сада
на заметку не берет
и туда, куда не надо,
нос с зарубкой не сует.
Мы — за дружбу, не иначе
каждый день и всякий час.
Но дадим хорошей сдачи,
если враг затронет нас!

Да что говорить о строках из середины книги. Даже стихотворение, открывающее сборник, не лишено, мягко говоря, натянутостей.

Конечно, подобные мелковатые стихи С. Васильева относятся не к быстрине его широкого поэтического течения, а к каким-то прибрежным заводям и лункам.

Что же касается истинного человеческого счастья, то в это понятие входит и наша способность воспринимать, наслаждаться, расширять свой духовный мир и общественные интересы теми образами, которые создает поэт. Хочется, чтобы эти образы были наиболее впечатляющими, чтобы с ними не перемежались скороспелые поэтические поделки.

Сергей Васильев. «Что такое счастье». Издательство «Молодая гвардия».

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ

Владимир РУДНЫЙ

ИМЕННО так хочется сказать о человеке, живущем сегодня среди нас, о художнике Борисе Ивановиче Пророкове.

Именно так потому, что никто, кроме близких друзей, не знает, ценой каких физических страданий достается художнику каждый штрих его мужественных талантливых работ, которые регулярно появляются на выставках и воспроизводятся потом на страницах газет, журналов, книг.

Говорят, для искусства важен результат, а не путь к нему.

О результате каждый волен судить сам. Назову только некоторые рисунки Пророкова, чтобы напомнить его, пророковский, почерк:

«Танки Трумэна — на дно!» — из серии «За мир».

Заглавный лист серии «Маяковский об Америке» — американская статуя Свободы с полицейскими в глазницах и слезой-дубинкой.

Негр на костре — из серии «Маяковский об Америке».

«Американцы на прогулке» — матросы, восседающие в коляске рикши, — из серии «В гоминдановском Китае».

«Стиляга» и «Папина «Победа» — рисунки к фельетонам Семена Нариньяни.

Это — из послевоенных работ, то, что, очевидно, запомнилось если не каждому, то многим. Любая из работ — не иллюстрация к литературному тексту и не просто сатирический рисунок, а самостоятельный политический памфлет. Во всем — его, особый, пророковский почерк — резкий, смелый строгий и емкий.

Но все это стало пройденным этапом перед новой ступенью, на которую сейчас поднялся художник.

Я говорю о серии его рисунков «Это не должно повториться» — десять листов о войне, выставленных в Манеже. Их нельзя смотреть в репродукциях, надо их видеть в натуре. Как и вся графика на выставке «Советская Россия», они висят где-то в стороне, как говорят художники, «на невыгодном месте». Но на посетителя они действуют подобно красному сигналу, неожиданно вспыхнувшему на кричащем и весьма многолюдном перекрестке. Остановись. Посмотри. Вспомни. Подумай. Вернись, снова взгляни в эти высеченные страданиями лица и непрощающие глаза, и ты не забудешь их никогда.

Впервые после войны Пророков высказался о войне. А ведь он больше чем кто-нибудь другой давно имел право и должен был сказать свое слово о войне. Именно свое слово о войне, которую пережил, видел без прикрас.

Люди, которые иногда говорят, что им надоела тема войны, путают искусство с трескотней. В том-то и дело, что нет произведений искусства о войне вообще, как и нет для людей, живущих на земле, а не в небесах, войн вообще. Есть война против жизни и есть война за жизнь, война — войне! Существует литература об умении убивать друг друга, если можно так выразиться, техническая — она скончается вместе с концом угнетения и войн. Произведения художественной литературы переживут все войны, если это произведения не о приключениях или интрижках на поле брани, а о страдании и мужестве, любви и ненависти людей, отстаивающих жизнь.

Пророков имеет право на свое слово о минувшей войне, потому что он в самую решающую пору — на рубеже между жизнью и смертью — разделил судьбу своего поколения как художник и солдат.

Когда-то, до войны, он отслужил два года срочной службы в саперах. При всей романтичности своей натуры, он в сорок первом году, пожалуй, и не стремился ставить минные поля и проволочные заграждения на поле боя, хотя и гордится теми особенными минутами, когда война испытывала его человеческий характер солдатской мерой. Пророков пошел на фронт против фашизма с тем оружием в руках, которым лучше всего владел, с оружием советского художника.

Не надо искусству прибедняться: его сила в сражении за жизнь не слабее силы многих дивизионов артиллерии, хотя и не всегда берется в расчет стратегами войны. Мы подчас стесняемся сказать о подвиге человека искусства так же громко, как о подвиге солдата или полководца, пока не случится литератору или художнику заменить в бою убитого командира и возглавить оборону высоты. А я не мыслю себе стойкой борьбы матросов Гангута в сорок первом году без пророковского смеха и сатиры, без его ежедневных изобразительных фельетонов, гравюр, портретов, вырезанных из-за отсутствия цинка для клише на линолеуме, содранном с полов в разрушенных войной домах. У него почти не оставалось времени выйти из политотдельского подвала и глазом художника всмотреться в гангутские скалы, о которых он вспоминает всю жизнь: он с трудом выкраивал минуты для пейзажных набросков в блокнот; но потом, когда на тонущем корабле пришлось выбирать между этим редким и для каждого художника бесценным запасником рисунков «для себя» и уникальным комплектом матросской газеты, он выбрал комплект «Красного Гангута» и не ошибся, посчитав, что и для него самого это в жизни важнее.

В штормовую декабрьскую ночь он, художник, стал старшим в команде политических работников на обреченном корабле, среди мин и снарядов в Финском заливе, и ничего нет удивительного в том, что жизнь своей команды он спасал как настоящий командир: он был не соглядатаем, не наблюдателем на войне, а ее участником, и самое счастливое для него воспоминание об этом трагическом часе, что люди в его команде, стоявшие в ожидании спасающих катеров и тральщиков у борта так плотно, что если поднимешь с палубы ногу, то уже не сможешь ее поставить на то же место, — все эти люди оказались людьми мужественными и порядочными.

Вот где формировались и утверждались эстетические взгляды художника — он видел все: и кровь, хлещущую по палубе потоком, и исступление труса, посылающего проклятия вслед переполненному спасенными тральщику, — но он видел и порядочность настоящих советских людей, которые, не зная, вернется ли этот тральщик за ними, уступали свою очередь женщинам и раненым, он видел позже, в блокадном Ленинграде, благородство этих женщин, предпочитающих муки голода унижению перед врагом.

Война нанесла солдатские раны и ему. Летом сорок четвертого года, когда началось наступление на Выборг и появилась надежда снова побывать у начала своего военного пути, на Гангуте, Пророков добился в политоргане, в котором служил, творческого отпуска и поехал на берег Финского залива на фронт. На окраине Выборга еще шли бои. Генерал с перевязанной головой увидел художника, рисующего на улице под артиллерийским огнем, и, не признав ни документов, ни допуска на фронт, ни прав искусства на участие в бою, приказал немедленно убраться в тыл. С городской улицы Пророков перебрался на камни залива и стал рисовать с натуры налет немцев на крепость. Он очнулся на берегу,

(Окончание на 4-й стр.)

Б. ПРОРОКОВ. «Тревога».

его взгляд особенно дальнозорким, позволяли видеть далеко вперед. Писатель-краевед В. И. Анучин рассказывал, как в 1897 году В. И. Ленин во время ссылки в Красноярске принял участие в дискуссии о литературе при социализме. Возник взволнованный разговор о социалистическом обществе. Некий скептик, будущий меньшевик, «подпустил» ложку дегтя:

«Мечты, мечты! Где ваша сладость!

Владимир Ильич взыскрился:

— Да, мечты, молодой человек! Мечты! Без мечты человек превращается в животное. Мечты двигают прогресс. Величайшая мечта — социализм...

— А при социализме мечтать будут? — не унимался Скорняков.

— А вы думаете, что тогда будут чмокать у корыта и радостно хрюкать от изобилия?! Осуществленная мечта — социализм — откроет новые грандиозные перспективы для самых смелых мечтаний...».

Советским людям выпало на долю счастье своими глазами увидеть, как осуществляются гениальные научные предвидения, смелые революционные мечты — и не только видеть, но и участвовать под руководством Коммунистической партии в этом осуществлении. Бывает, что жизнь бросает новый отблеск на известные теоретические положения, придает им особое звучание, и вдруг научная формула, известная по книгам, как бы загорается новым ярким светом.

Маркс, предвидя огромный прогресс производительных сил при социализме, говорил, как вместе с этим возрастет потребность каждой личности в духовном богатстве. Сведение труда общества к необходимому минимуму он считал важной предпосылкой развития индивидуальности. Свободное время он называл «временем досуга... и временем для осуществления более возвышенной деятельности». Разве не видим мы, как в Советском Союзе и странах социализма, где в интересах народа планомерно сокращается рабочий день, трудящиеся все шире обращаются к «более возвышенной деятельности», используют возрастее свободное время не только для отдыха, а и для учебы, занятий спортом, знакомства с театром, музыкой, литературой?

В плане статьи «Очередные задачи советской власти», над которой Ленин работал весной 1918 года, есть такие слова: «Ближайшая цель... 6 час. физической работы + 4 час. управления государством». Несколько слов — а какая блистательная перспектива развития общества начертана в них! Здесь и предвидение резкого сокращения рабочего времени, что для России в те военные годы было еще смелой мечтой. Тут и поголовное участие всех трудящихся в общественной, государственной деятельности, что отличает небывалый расцвет новой, социалистической демократии. И то, что Ленин намечал более 40 лет назад, осуществилось и осуществляется в наше великое время постепенного перехода к коммунизму.

Социализм обеспечил более быстрое развитие производства и культуры, чем капитализм. Социалистическое общество позволяет полнее, в более широких масштабах, использовать природные богатства, ускоряет темпы развития всех отраслей народного хозяйства, оно создало все условия для расцвета научного творчества, для всестороннего технического прогресса, для новых успехов культуры. Богатство гуманистического содержания марксизма-ленинизма нашло свое ярчайшее воплощение в практике социалистического строительства. И все доброе, прекрасное, светлое, что создает мир социализма, — он создает для человека!

В 1917 году, еще до Великой Октябрьской социалистической революции, Ленин писал, что при социализме, в условиях всенародного учета и контроля над трудом и потреблением, станет решительным исключением попытка уклониться от исполнения общественного долга — «**необходимость** соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет **привычкой**».

Ленин не раз говорил, какой опасной, враждебной социализму силой является собственническая, мелкобуржуазная стихия. Сила привычек миллионов — самая страшная сила, писал он, имея в виду влияние этой косной стихии. По огромной, на этот раз созидательной, творческой силой является **сила новых привычек**, сила советских социалистических традиций, новых моральных норм. В привычку миллионов вошли любовь к свободному, творческому труду, сознательная дисциплина, коллективизм и чувство товарищества, забота об общем достоянии, самоотверженное отношение к интересам общества. И рост этой силы показывает, какой огромный путь в своем развитии прошло человеческое общество, как торжествует подлинная человечность, преодолевающая себялюбие, жадность, старое отношение к труду.

«...Коммунистическая идеология — это наиболее гуманная идеология в мире», — говорил Н. С. Хрущев. Борьба за мир, за социализм, за свободу труда, за национальное освобождение, за свободное развитие личности, за процветание культуры — это борьба за человека, за его счастье, за его будущее. И какие бы трудности и препятствия ни возникали на пути, — человек нашей эпохи уверенно смотрит вперед: марксизм-ленинизм указал верный путь в светлое будущее, и сотни миллионов людей смело идут этим путем.

ПРАГА

ПО СТРАНИЦАМ НЕМЕЦКОГО САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ОЙЛЕНШПИГЕЛЬ»

МАСТЕРА ТОРПЕДНЫХ ДЕЛ...

Он торпедировал совещание в верхах
Рисунок художника Лео ХААСА

Аллен Даллес:
— При чем тут агрессия? Это — любовь, любовь беспредельная, не знающая границ!
Рисунок художника Гаральда КРЕЧМАРА

Идеолог «открытого неба»:
— Небо должно быть открытым для всех! Но не для красных, конечно, они ведь атеисты!
Рисунок художника Луиса РАУВОЛЬФА

«Из Азии доносятся звуки, подобные громыханию вулкана, извержение которого вот-вот начнется», — такими словами определил американский журналист Маркис Чайлс бурные протесты японского народа против американо-японского военного договора.

Более шести миллионов японских трудящихся участвовало вчера в единой политической забастовке, проходившей под лозунгами: «Долой военный союз с Соединенными Штатами Америки!», «Правительство Киси — в отставку!». Забастовку начали железнодорожники — боевой отряд рабочего класса Японии. С раннего утра на всех железнодорожных станциях страны от Хоккайдо до Кюсю приостановилось движение поездов. На 24 часа прекратили работу шахтеры, химики, металлурги, машиностроители; бастовали государственные служащие. В демонстрациях участвовали деятели науки и культуры, студенты и домохозяйки.

На снимке — одна из демонстраций японских железнодорожников.

Фото Джапан Пресс

Конкуренты дьявола

Дьявол является отцом лжи, но рогатый забыл взять патент на свою идею, и его бизнес теперь страдает от конкуренции.
Американское изречение.

Небезызвестный министр обороны США Джеймс Форрестол в 1948 году, незадолго до своего исторического прыжка без парашюта, договорился с тогдашним министром иностранных дел Великобритании Бевином о создании на английских островах американских военно-воздушных баз. Тогда было официально объявлено, что авиационные части США пробудут в Англии не более трех месяцев.

С тех пор прошло... двенадцать лет! Несколько затянувшийся визит вежливости!

Гости не довольствовались военно-воздушными базами. Они создали многочисленные площадки для запуска ракет с атомными и водородными зарядами. А в начале января нынешнего года в Англию из Франции начали прибывать первые подразделения американской третьей воздушной дивизии атомных бомбардировщиков «Супер Сейбр», «выдворенные», по выражению газеты «Дейли экспресс», из Франции за отказ передать свои атомные бомбы под контроль французских военных властей.

Десятки тысяч американских военнослужащих — летчиков, механиков и специалистов ракетных частей НАТО дислоцированы на английских аэродромах и ракетодромах в Везерсфилде (Эссекс), Бентуотерсе (Суффолк), Скалтхорпе (Норфолк), Харрингтоне и в других местах.

Не так давно «Дейли экспресс» поместила карикатуру по поводу американских атомных баз в Восточной Англии. У дороги, ведущей на базу, укреплены на столбах два щита. На одном из них надпись: «Атомная база ВВС США. Восточная Англия (быв. Королевские Воздушные Силы). Свалка для предметов, выброшенных де Голлем». На втором: «Немцев, проходящих курс обучения по военному использованию атомных бомб на базе ВВС США, просят не плевать на головы туземцев» (то есть англичан).

Итак, на английских островах расквартированы молодые американцы. Они сидят далеко от дома, в неудобных, начиненных электропроводкой комбинезонах, и в определенное время поднимаются в воздух на ревущих самолетах, чрева которых полны атомными или водородными бомбами.

И много беспокойных мыслей и вопросов проносится в головах задумчивых американских парней в эти ночи, когда они пролетают над английскими городами и фермами, над Ла-Маншем и бурным Северным морем.

Эти мысли американцев за пределами США тревожат генералов НАТО. А с опасными мыслями надо бороться. Надо подвести идеологическую базу под мышиную возню вокруг «агрессивности» Советского Союза, чтобы молодые американцы знали, почему они вынуждены постоянно играть с огнем на чужбине. И вот, рискуя впасть в конкуренцию с самим дьяволом, генералы НАТО в 1959 году издали серию из десяти брошюр под интригующим названием «Демократия лицом к лицу с коммунизмом». Эти брошюрки, рассчитанные на солдат и офицеров, разукрашены яркими цветными обложками и иллюстрированы карикатурами и фотографиями, дабы привлечь внимание к этой интеллектуальной макулатуре.

Английский публицист Пэт Слоун в журнале «Уорлд ньюс» называет эти брошюры поразительной комбинацией полнейшего невежества, искажений, неточностей, лжесвидетельств и доктринерства «холодной войны»...

Для начала автор и издатели, разумеется, поясняют, что это за штука — коммунизм, который-де угрожает «свободному миру».

Коммунизм, повествуют они с умным видом, берет свое начало от учения греческого философа Платона, который «проповедовал, что к людям следует относиться, как к скоту». Это, стало быть, истоки.

А чем «опасен» коммунизм? И на этот вопрос у автора есть ответ: оказывается, Советский Союз до сих пор не выполнил основного коммунистического «обещания» — «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Как видно, этим лозунгом и исчерпываются авторские познания в политической экономии социализма и коммунизма.

Не сильнее он и в конкретных фактах. Во всех десяти брошюрах приведена лишь одна цифра — количество выплавляемой в СССР стали. Остальные данные, без зазрения совести уверяет автор, не известны ему только лишь потому, что советские руководители «редко сообщают русскому народу действительные цифры производства и потребления товаров»!

Какую бы область ни затронул автор солдатских брошюрок своим пером, он не может обойтись без лжи. Так, вступление Советского Союза в 1945 году по соглашению с союзниками в войну против Японии он называет нарушением советско-китайского пакта...

Выпуск за выпуском... Ложь, основывающаяся на лжи. Нагромождение лжи и клеветы! Вот еще один пример. «В 1954 году Информационное агентство США сообщило, что из 300 000 евреев, проживавших в 1941 году в прибалтийских странах, в результате геноцида осталось лишь 5000. Затем советское правительство переселило советских граждан в прибалтийские страны».

«Наивному читателю, — пишет уже упоминавшийся нами Пэт Слоун, — дается полная возможность вообразить, что советское правительство убило этих евреев: сделано все, чтобы читатель забыл, что 1941 год был годом зверского вторжения нацистов на упомянутые территории, забыл массовую резню евреев, предпринятую нацистами. Таким образом, не только возводится чудовищная клевета против СССР, но одновременно оправдывается нацистская Германия».

Мы не будем приводить здесь десятки других фантастических, точнее, клеветнических утверждений пропагандистских писак НАТО. Достаточно и сказанного.

Плохи дела военных и идеологических лидеров НАТО, если им приходится активно конкурировать с дьяволом во лжи и прибегать к низкопробным клеветническим приемам в безнадежной попытке очернить великие дела и успехи советского народа. Напрасные потуги! Правда о замечательных достижениях советских людей во всех областях человеческой деятельности пробивает все железные и бумажные занавесы, которые пытаются воздвигнуть изолгавшиеся пропагандисты капиталистического образа жизни. Историческая поездка Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки раскрыла глаза десяткам миллионов американцев, которые в течение стольких лет питались дезинформацией о нашей стране...

Народам мира надоела пропаганда «холодной войны». Они хотят правдивой информации о жизни советских людей. Они уже не верят клеветникам, в какие бы яркие обложки они не переплетали свои клеветнические россказни.

Н. БАРОЯН

Иржи ШОТОЛА

МАЙСКОЕ УТРО

Славься, великое счастье — день начинать трудовой!
Раннее утро. Светлеет Тонкий туман над рекой.
Свист паровоза... А летчик учит летать самолет.
Где-то рука человека на фабрику ток подает.
Шанхай, Ленинград, Варшава.
Отблеск стеклянных домов.
Глубины могил и ущелий.
В космосе, во Вселенной
Держат миллионы рук
Прекрасное яблоко — Землю.
В Праге на набережной шофер торопит машину,
Он везет теплые круглые хлебы.
В шахты спускаются клети,
Старый фотограф целится своим аппаратом в небо.
На земле — лужицы нефти.
Глина, горячие мысли, струящийся пот.
Стройные горлышки ваз, следы тяжелых сапог.
Стальные птицы врезаются
В небо над головой.
Славься, великое счастье — день начинать трудовой!

Перевел с чешского В. СТЕПАНОВ

ПО СТРАНИЦАМ РУМЫНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕЧАТИ

ДУХОВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ

Грандиозный подъем творческой активности народа является неиссякаемым источником вдохновения для наших писателей и деятелей искусства. Развивая достижения последних лет в обогащении тематики и идейного содержания литературы, искусства, театров и кино, наши творческие работники должны считать своим долгом создание произведений, отвечающих высоким художественным и идеологическим требованиям партии и народа. Для этого нужен не только талант. Для этого необходимо ликвидировать все, что может отдалить художника от народа, — кастовую замкнутость, индивидуализм, тенденцию творить для одного круга «избранных». Прежде всего требуется глубокое знание жизни, ее деятельное изучение, живой и постоянный контакт художника с трудящимися — будущими героями его произведений.

(Г. ГЕОРГИУ-ДЕЖ. Из доклада на III съезде Румынской рабочей партии).

◇

«СЕЙЧАС каждый рабочий стремится иметь свою библиотеку. Рабочие покупают книгу, как хлеб. И то, и другое — хорошего качества и по доступной цене... Наши люди хотят мира и готовы защитить хлеб и книгу от посягательств поджигателей войны», — пишет в статье «Прекрасный путь» известный румынский поэт и прозаик, генеральный секретарь Союза писателей Румынской Народной Республики Михай Бенюк.

Книга — хлеб. Может ли быть выше похвала для писателя, для целой литературы? Разве литератор, доверяя бумаге итоги своих раздумий и наблюдений, не мечтает о том, что его книга будет с интересом прочитана каждым рабочим, крестьянином, инженером, ученым, педагогом, будет нужна ему, как... хлеб, хочется сказать? Не всегда на долю писателя выпадает столь высокое признание. Но Михай Бенюк прав. Социалистическая литература народной Румынии в своих лучших достижениях завоевала сердца миллионов читателей, стала необходимейшим помощником в строительстве социализма, его активным участником. И не удивительно, что в дни, предшествовавшие III съезду Румынской рабочей партии, к которому с энтузиазмом готовился весь народ, вопросы литературы и искусства, творческие проблемы, волнующие румынских писателей, обсуждались с особой страстностью и остротой.

Самим временем рождены эта страстность и эта острота. В чем задачи литературы на новом этапе жизни румынского народа? В чем существо ее крепнущих традиций, традиций социалистического реализма? Где пути к новым рубежам и новым победам? — эти и многие другие вопросы неизбежно вставали в атмосфере живого, заинтересованного обсуждения всем народом проекта директив III съезда Румынской рабочей партии по дальнейшему развитию народного хозяйства на 1960—1965 гг. Румынские писатели активно участвовали в этом обсуждении.

«Жизнь и литература»—под такой рубрикой публикует выступления писателей еженедельник Союза писателей РНР «Газета литераръ». «У нас нет причин быть скептиками, — говорит Эуджен Барбу.— Успехи нашей литературы дают нам право ожидать рождения новых высокохудожественных произведений. Я думаю, что ныне одной из основных задач наших писателей является борьба за повышение мастерства. Искусство не терпит эрзацев». Этим здоровым беспокойством за будущее родной литературы пронизаны многие писательские статьи, опубликованные в «Газете литераръ». «Великой школой лирики» называет многообразную, яркую действительность румынского народа поэт Миху Драгомир. В своем выступлении он останавливается на успехах самого оперативного жанра литературы — очерка. «Если сейчас у нас немало талантливых очеркистов, выразительно рисующих самые различные стороны нашей жизни, то это объясняется тем, что эти авторы не только знают жизнь, но и сами активно участвуют в ней. Очеркист уже не «открывает» мир завода или коллективного сельского хозяйства. Он уже давно знает этот мир, и поэтому очерк носит не информационный характер, а является литературным отражением самой действительности».

В глубокой связи с действительностью— источник всех нынешних и будущих успехов румынских литераторов. Взяв на вооружение творческий метод социалистического реализма, осваивая лучшие традиции демократической литературы прошлого, проникнувшись высоким сознанием ответственности, они за пятнадцать лет сумели создать немало произведений, отобразивших «самую замечательную эпоху в истории нашего народа, эпоху революционных преобразований и социалистического строительства», — как писал Эуджен Барбу. Имена З. Станку и М. Бенюка, М. Бануш и В. Эм. Галана, Т. Поповича и Ф. Мунтяну и целого ряда других писателей широко известны в стране, некогда — еще двадцать лет назад — отличавшейся высоким процентом неграмотности. И во многих-многих румынских домах появился теперь этот добрый спутник — книга. Старейший румынский поэт, видный общественный деятель Тудор Аргези, 80-летие которого недавно широко отмечалось литературной общественностью страны, пишет: «Последнее время я часто бывал на наших фабриках и заводах: они превратились в университеты. Особенно радует то, что наряду с подъемом жизненного уровня рабочих расширяется их кругозор, благодаря курсам, клубам, библиотекам растет их культура... Да, то, что осуществляется в нашей стране, ее духовное обновление — это поистине чудо!»

В дело духовного обновления своей страны значительный вклад внесли и вносят румынские писатели. Их творчеству свойствен активный, наступательный характер. Борясь с пережитками и влиянием буржуазной идеологии, разоблачая «философию» ревизионизма, они утверждают самые светлые, самые передовые идеалы эпохи. Литератор Думитру Корбя писал, что «в проекте директив III съезда РРП по дальнейшему развитию народного хозяйства на 1960—1965 гг. писатели находят отражение великих идеалов и готовы служить борьбе за осуществление 6-летнего плана, за построение социализма. Роль литературы в этой борьбе была с особой ясностью подчеркнута на III съезде советских писателей руководителем Советского государства Н. С. Хрущевым...»

Конечно, формы изучения и «освоения» действительности многообразны. Небольшой пример: в писательской среде нашла всяческую поддержку инициатива бухарестских литераторов, о которой пишет еженедельник «Газета литераръ». Они решили установить постоянные связи с промышленными предприятиями и взять на себя конкретные обязательства по отношению к стенным газетам, литературным кружкам и кружкам художественной самодеятельности. Около сорока писателей с охотой отдали свои силы новому начинанию. Ныне многотиражки крупнейших заводов Бухареста — «Жизнь завода», «Металлург», «Красная Гривица» и другие — выпускаются при самом деятельном участии писателей.

Публикуя материалы, посвященные состоянию и успехам современной румынской литературы, газеты уделяют большое внимание одной из важнейших творческих проблем — созданию образа коммуниста. Этой теме посвятили свои статьи румынские литераторы М. Драгу и М. Новиков. Михай Новиков пишет: «В честь 15-летия со дня освобождения страны появилось много романов о жизни и борьбе коммунистов. Так, например, в романах «На острие ножа» Михая Бенюка, «Северное шоссе» Эуджена Барбу, «Застава» Теодора Мазилу и в других произведениях последних двух лет широко показаны образы коммунистов, их характеры, складывающиеся в борьбе... Наша литература все более глубоко отражает объективную истину эпохи: героем нашего времени является коммунист, до конца преданный победе коммунизма во всем мире». Оба автора — и М. Драгу, и М. Новиков — выдвигают справедливое требование еще выразительнее и ярче решать эту важнейшую творческую проблему румынской литературы.

Говорят, что действительность всегда богаче любого литературного произведения, рассказывающего о ней. Но и литературная жизнь всегда богаче любого ее описания. Вот почему никак не расскажешь обо всем, чем живут румынские писатели: их интересы и их задачи столь же многообразны, как сегодняшний день румынского народа.

И. АНДРЕЕВ

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

перенесенный туда взрывной волной. Неизвестно, сколько времени он пролежал без памяти. Придя в себя, он решил, что ему повезло: хорошо, что взрывная волна бросила его не в море, а на берег, хотя и гранитный. Он встал, поискал, но не нашел своих зарисовок, доплелся до санчасти, сделал противостолбнячный укол, убедился, что череп не поврежден и пошел в комендатуру, чтобы по-фронтовому отметить встречу с знакомым по Гангуту бойцом. Но там его увидел генерал с перевязанной головой, теперь он даже обрадовался знакомому художнику, которому уже тоже успели перевязать голову, обрадовался его военно-морской форме и поручил как представителю флота поднять вместе с армейцами флаг над выборгской крепостью. Опять художнику выпала честь солдата.

А потом на попутной машине он уехал в Ленинград, добрался до Москвы, отлежался дома, благо никто не тянул его в госпиталь, поскольку он контужен в творческом отпуску, а сам он не мог тогда предположить, что за эту контузию будет расплачиваться всю жизнь.

Он даже дома не долежал до поправки, потому что началось наступление в Эстонии и появилась снова надежда попасть к Гангуту с другой стороны. Вместо Гангута он с матросским десантом попал в сосновый лес на живописном песчаном берегу за Палдисками, где гестаповцы торопились, но не успели довершить ликвидацию заключенных лагеря смерти. Заключенные валили сосны, распиливали на двухметровые плахи и укладывались на них попарно, валетом, воздвигая живую поленницу для костра. Поленницу успели обдать бензином и зажечь, но в разгар казни пришел десант. Пожалуй, впервые Пророков потерял самообладание и не смог себя заставить рисовать.

А потом под автомашину, в которой он уезжал из соснового леса, попал снаряд, и снова он очнулся на каких-то камнях. На этот раз его контузило не в творческом отпуску, а в творческой командировке, и его на некоторое время уложили в госпиталь.

Но столько было ран вокруг, что художника не стали задерживать и отпустили в Берлин, потому что он должен был, конечно, видеть руины памятников милитаристам в Тиргартене.

А оттуда надо было успеть на Дальний Восток, в Порт-Артур, потому что еще не все кончилось, а Хиросима еще только началась.

Так накапливалась война — со всеми ее ужасами, кострами, пепелищами, горем, кровью, смертями, победами и неумолкающими угрозами.

Но тут началось то, о чем долгие годы не хотелось писать, но надо, необходимо рассказать.

Пятнадцать лет болит голова. Болит не так, что можно глотнуть таблетку пирамидона, выспаться и сесть работать или читать. Нет. Болит без передышки, круглые сутки и круглый год. Просветы, — то есть немного меньше боли, — по утрам: тогда можно поговорить с друзьями, а иногда, правда редко, и погулять. Вечером совсем плохо: музыку, особенно хорошую, лучше не слушать, иначе начнется приступ. Весной и летом легче, чем зимой. Но вот пришла весна шестидесятого года, и снова плохо — это расплата за нарушенный запрет.

Пятнадцать лет врачи запрещали художнику касаться войны. Было набросано девяносто эскизов о Гангуте, но папка отложена в архив. Пророков занимался политической сатирой, насущными темами дня. Занимался по-своему, по-пророковски, отдавая все силы души. Все, что сделано за минувшие годы,—а мы видели в Третьяковке, на выставках или в печати только итоги и не знаем, какой титанический поиск стоит за каждым листом,—все что показано, отдано нам, — это живая неуемная боль. Рисунок к «Бруклинскому мосту» Маяковского—к строкам «Отсюда безработные в Гудзон кидались вниз головой» — так и остался в карандаше, потому что композиция решена с такой силой, что художник не может вернуться к ней не теряя сознания. А отступить, ослабить, изменить нельзя.

Из года в год мучила запретная тема. Можно ли отказаться от нее? Есть ли у него право треьожить людей сейчас, возвращать к страшным видениям, когда жизнь на подъеме, когда люди жаждут больше красоты, любви, счастья?.. Но бомбы на Брест обрушились в безмятежную июньскую ночь. Не так-то легко отмахнуться от правды жизни, бросить бездумное и безответственное «Война — это ужас, надоела война», закрыть от страха глаза, в которых горит костер эстонского леса, стонут образ женщин голодного Ленинграда, матерей и вдов у Бабьего Яра, которые не простят малодушной капитуляции перед мещанином, готовым добыть покой и довольство ценой рабства и унижения. Высказаться, выразить все наболевшее стало желанием мучительным, хотя и запретным, долгом художника, делом личного подвига. И вопреки воле врачей, которые так и не могут ничем ему помочь, кроме охранительных мер и советов, Пророков снова вошел в «творческий треугольник», состоящий из мольберта, кровати и столика с лекарствами, дозы которых пришлось удвоить.

Начались поиски языка, не абстрагированного от жизни, но отвлеченного от фотографии факта, осмысливающего и обобщающего все подлинное, виденное, пережитое художником.

У каждого искусства свой язык, но нас часто путают язык фотографии с языком красок и язык красок с языком литературы.

В сороковом году на Ухтинском направлении белофинского фронта группа наших красноармейцев выстояла в тылу противника в крепости, построенной из глыб льда и снега. Над этой крепостью раненый боец поднял вафельное полотенце, смоченное его кровью. Этот флаг доставили в политотдел армии. Потрясенный начальник приказал Пророкову запечатлеть флаг на века. Пророков сам был потрясен мужеством бойцов и на солдатское полотенце с порыжевшими пятнами крови смотрел с благоговением. Но надо ли срисовывать это полотенце? Кто без помощи слов поймет, что эти пятна — кровь бойца?.. Но приказ на войне есть приказ, и художник красочно нарисовал солдатский флаг. Нарисовал точно, как в жизни. Но жизни в рисунке не стало: то, о чем можно убедительно рассказать словами, не ложится на язык живописи.

Да, у каждого искусства свой язык— это кажется элементарным, но как часто с этим не считаются даже сами художники. Так и лезут на наши выставки многометровые густонаселенные картины, пропитанные авторским потом, с десятком старательно выписанных, словно сфотографированных лиц и даже с огурцами на столе столь натуральными, что хочется протянуть руку и попробовать, хотя для этого лучше сходить в овощной магазин. Но где же язык живописи?

Свое слово о войне Пророков сумел сказать именно языком изобразительного искусства. Художник, отлично знающий все стороны войны, владеющий запасом интереснейших литературных сюжетов, не стал рисовать ни танков, ни самолетов, ни последствий бомбежек, ни руин, ни костров в лагере смерти, ни палачей. Обо всем этом он заставил нас подумать, каждого по-своему и о своем. Он заставил нас посмотреть на войну глазами одной из воюющих сторон — глазами жизни, которая в муках и борьбе противостоит смерти. Именно противостоит: рвет киркой колючую проволоку; шлет из пламени костра проклятие палачам; в час налета не закрывает от страха глаз и не поднимает рук, а загораживается, сопротивляется, борется; в час тревоги не становится на колени, не отшатывается, не спасается бегством, а защищает ребенка, устремясь всем телом вперед. Все трагично, правдиво и достойно человеческого в человеке.

«Анна Франк» итальянского художника Гуеррески на Международной выставке изобразительного и прикладного искусства VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов тоже возвращала зрителя к теме жизни и смерти. Картина вызывала споры, останавливала, волновала и вместе с тем угнетала. Смерть, фашизм, война унизили на полотне жизнь.

На пророковских женщин «У Бабьего Яра» смотришь с болью и уважением к человеку. Перед такими глазами содрогнется палач. Это искусство возвышающее, а не унижающее. Не страхом, а мужественной ненавистью художник говорит «нет» войне. Так он нашел эстетически приемлемое выражение кошмара войны для протеста против войны, против тех неисчислимых бед, которые она приносит.

К такому искусству человек не может быть равнодушным. В том-то и сила таланта, что он заставляет думать и волноваться, а не разглядывать детали, не препарировать творение художника по частям. Препарируют труп, а не живое тело. А если и пройдет кто в первую минуту мимо, холодно или с раздражением на то, что вот опять искусство напомнило о глубинах жизни, о сложностях вместо легкости, о грубом вместо изящного, о бурях вместо безмятежности, то в минуту следующую или более далекую, на другой день или позже, когда суровая правда коснется их души, заденет, встряхнет, они вспомнят, обязательно вспомнят лица и глаза этих умеющих быть людьми людей.

Б. ПРОРОКОВ. «Проклятие палачам».
РИСУНКИ ИЗ СЕРИИ «ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ»

Правление Союза писателей СССР, правление Союза писателей Грузинской ССР с глубоким прискорбием извещают о кончине поэта

Константина Арчиловича ЧИЧИНАДЗЕ,

последовавшей 21 июня в г. Тбилиси, и выражают соболезнование семье покойного.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Б 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-39, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-09-18, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 1-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30

Б—024147